

Montserrat Caballé bei der Eröffnung der Olympischen Spiele 1992 zusammen gesungen haben. Ich denke weiter an jene Entwicklungen, die zu neuen Genres und Kunstformen geführt haben, wie z. B. im Bereich der Musik, wo im 20. Jahrhundert durch die Vermischung unterschiedlicher Traditionen neue Genres wie Jazz, Bossa Nova oder Reggae entstanden sind. Ferner die ganze Popkultur, wie die neuen Medien, die uns täglich zwingen unser Vokabular zu verändern.

Um diese Entwicklungen differenziert einschätzen zu können, sind sowohl generalisierende Theorien über Gesellschaftsveränderungen, als auch dichte Fallstudien über einzelne Unterhaltungsphänomene notwendig. Der Abschied vom gedanklichen Reich der Zweiteilungen, die kritische Reflexion darüber, wie die Ausarbeitung der Hybriditätstheorie können in der Kulturforschung neue, spannende, ja unerwartete Beobachtungen ermöglichen.

¹ Lange K. Das Kino in Gegenwart und Zukunft. Stuttgart, 1920. S. 6.

² Märten L. Die wirtschaftliche Lage der Künstler. München, 1914. S. 61.

³ Bausinger H. Unterhaltung und Bildung — ein deutsches Scheingefecht // Ders. Der Blinde Hund. Tübingen, 1992. S. 35.

⁴ Hegel G. W. F. Ästhetik. Teil I, Berlin; Weimar, 1976.

⁵ Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. Frankfurt/Main, 1992; Gellner E. Nationalismus und Moderne. Berlin, 1991.

⁶ Tschernokoshewa E. Das Reine und das Vermischte. Die deutschsprachige Presse über Andere und Anderssein am Beispiel der Sorben. Münster; New York; München; Berlin, 2000.

⁷ Zit. nach: Habermas J. Die Einbeziehung des Anderen: Studien zur politischen Theorie. Frankfurt/Main, 1997. S. 160—166.

⁸ Habermas J. Die Einbeziehung des Anderen.

⁹ Rushdie S. Der Boden unter ihren Füßen. München, 1999. S. 643.

¹⁰ Ibid. S. 326.

¹¹ Hall S. Rassismus und kulturelle Identität. Ausgewählte Schriften 2. Hamburg, 1994; Said E. W. Kultur und Imperialismus. Einbildungskraft und Politik im Zeitalter der Macht. Frankfurt/Main, 1994; Bhabha H. K. 1) Die Frage der Identität // Hybride Kulturen // B. Bronfen u. a. (Hg.). Tübingen, 1997; 2) Dissemi Nation: Zeit, Narrative und die Ränder der modernen Nation // Hybride Kulturen. Tübingen, 1997; Appadurai A. 1) Modernität at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis. London, 1996; 2) Globale ethnische Räume // Perspektiven der Weltgesellschaft / U. Beck (Hg.). Frankfurt/Main, 1998.

¹² Hall S. Rassismus und kulturelle Identität. S. 66—88.

¹³ Bhabha H. K. Die Frage der Identität. S. 119.

¹⁴ West C. Die neue Politik kultureller Differenz // Hybride Kulturen. Tübingen, 1997. S. 259.

¹⁵ Bachtin M. Rabelais und seine Welt: Volkskultur als Gegenkultur // von R. Lachmann (Hg.). Frankfurt/Main, 1987. S. 99.

¹⁶ Bachtin M. Die Ästhetik des Wortes // von R. Grübel (Hg.). Frankfurt/Main, 1979. S. 244.

Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв.

СПб.: "Дмитрий Буланин", 2006. С.31-37.

A. В. ЗАХАРОВ. РАЗВЛЕКАТЬ — НЕВОЗВРАТНЫЙ ГЛАГОЛ

Мне хотелось бы остановиться на методологических трудностях, связанных с употреблением понятия «развлечение». По-моему, в современных исследованиях наметилась тенденция расширительного толкования, когда под понятие «развлечение» подводятся очень разнородные явления. Кажется вполне естественным желание исследователей видеть проблему в широком историческом контексте, проследить ее истоки, однако сомнительно, чтобы это дало прямой ответ на волнующие нас сегодня вопросы. При таком подходе понятие «развлечение» смешивается с игрой, досугом, свободным временем и размывается в полной неопределенности. По-видимому, больший успех в науке может сулить не расширение, а ограничение значения используемых терминов, в особенности когда они берутся из обиходной речевой практики.

Я более склонен согласиться с Е. В. Дуковым, который трактует развлечение как специфическую проблему современного индустриального и постиндустриального общества. Дело не в том, что до этого не было развлечений, а в том, что развлечение «не акцентировалось» как значимая социальная и культурная ценность, не обособлялось в особую отрасль культурного производства. О проблеме развлечения в строгом историческом смысле этого слова можно говорить только с момента создания современной индустрии досуга.¹ В нашей стране сегодня интерес к проблеме развлечения заметно возрос, потому что развлечение превращается в коммерческую деятельность, растет объем общественного времени и капитала, инвестируемых в эту отрасль экономики, появляются новые общественные институты и профессии, связанные с индустрией развлечений, шоу-бизнесом, туризмом и пр. Проблемой развлечений стали заниматься искусствоведы и психологи, социологи, экономисты, журналисты. Конечно, ею интересуются и философы, к которым я причисляю себя. Однако для философа интерес к любой проблеме связан, прежде всего, с рефлексией над концептуальными средствами, с помощью которых познается эта проблема.

В русском языке существует много слов, которые по смыслу близки к «развлечению», например: игра, досуг, потеха, забава,

веселье. Вряд ли нужно было бы столько разных слов, если бы они означали одно и то же. Я недостаточно филологически подготовлен, чтобы провести полноценный семантический анализ, но интуитивно чувствую разные оттенки смысла. Стоит ли в научных работах все эти оттенки игнорировать? Очевидно, можно говорить о более широком (бытовом) и более узком (специально-научном, профессиональном) значениях этого термина. С понятием «развлечение» необходимо проделать ту же мыслительную работу, какую Сократ в платоновском диалоге «Пир» проделал с понятием Эроса.

Результаты моих предварительных размышлений сводятся к одной фразе: «Развлекать — невозвратный глагол». Если сравнивать развлечение с другими родственными явлениями, вроде потехи, забавы, игры, то специфика его, на мой взгляд, заключается в следующем. Человек не может развлекать себя сам, т. е. развлекаться. Он может играть, забавляться. Вместе с кем-то мы можем потешаться над чем-то (или кем-то). Однако для развлечения нужен кто-то Другой, кто будет заботиться о наших удовольствиях и наслаждениях, кто умеет это делать лучше нас. В общем случае, для развлечения нужен профессионал или по крайней мере человек компетентный: шаман или жрец, жонглер, артист, массовик-затейник, шоумен, крупье в казино, сутенер и т. п. О нашей любви к наслаждениям такой человек знает больше нас самих, порой даже то, что нам и в голову не приходит. В каком-то смысле в глазах неискущенного человека он предстает магом и чародеем, и люди легко попадают от него в зависимость. В слове развлечение есть приставка «раз», указывающая на тенденцию к внешней экспансии этого вида деятельности.

Итак, развлечение — это целенаправленная деятельность некоторого агента культуры (компетентного Другого), которая удовлетворяет потребность в отдыхе, релаксации, игре, получении удовольствий. В современном обществе она невозможна без профессионального мастерства, специальных организационных форм и социальных институтов. Мне кажется, что именно это имелось в виду, когда тема конференции была сформулирована как «Время развлечений». Для кого-то развлечение — радость, для кого-то — тяжелая работа, но в одно и то же время, в одном лице эти две роли несомнестимы. Как можно внешне по поведению отличить развлечение от утилитарной деятельности? Помоему, рассматривая людей поодиночке, вне социального контекста это сделать невозможно. Например, охота становится развлечением, когда в лес отправляются вместе два человека, из которых один — любитель, а другой — егерь-профессионал, испушенный во всех ее «национальных особенностях». Если же охотник-любитель идет в лес один, то это не развлечение, а увлече-

ние, т. е. страсть или хобби. Развлекался ли царь Петр, когда стриг бороды боярам, опаивал их водкой и заставлял изображать священников? Я думаю, он над ними потешался, но не развлекался, а развлекаться он ездил в Немецкую слободу к Лефорту и Анне Монс. Эти люди умели развлечь русского царя более изощренно и компетентно, чем его придворные, и между играми и танцами воспитывали из него политика европейского типа.

Е. В. Дуков связывает сущность развлечения с психологическим феноменом — «аутокоммуникацией».² Мне эта концепция представляется очень интересной. Но на самом деле, даже оставаясь наедине с книгой или телевизором, на дискотеке или в ночном ресторане люди развлекаются не сами по себе, а как бы в присутствии и по сценарию, придуманному Другим. Этот Другой может выступать «виртуально» как телеведущий или диджей, а если говорить обобщенно, то в виде определенной Программы развлечения, которая может быть заложена даже в компьютере.

При ближайшем рассмотрении в развлекательной деятельности можно увидеть структурные фазовые моменты, которые я предлагаю описывать с помощью терминов «отвлечение», «привлечение» и «вовлечение». Поясню, что имеется в виду. Пример относится к советским массовым праздникам конца 1920-х годов, которые проводились на Воробьевых горах творческой группой «Массовое действо». В этом примере есть один интересный нюанс, о котором я хочу сказать немного позднее.

«12 августа 1928 года на Ленинских горах расставлены качели, аттракционы: мальчика подбрасывают на брезенте, кто-то срезает ножницами призы или разбивают палками глиняную голову Чемберлена. Много забав. Местами стоят молодые люди с красными повязками.

— Вы руководитель?

— Нет, я один из администраторов.

— В чем же разница?

— Я не руковожу ничем, но, охраняя порядок, помогаю руководить.

— Какое воспитательное значение имеют все эти „аттракционы“?

— Никакого. Это вещи, выполняющие подсобную роль, — они собирают неорганизованных в плотные группы, а соберешь массу — легко и взять ее...

Раздается трубный сигнал. Моментально исчезают неведомо куда и тарелки, и брезент, и аттракционы, и около оставшихся в замешательстве людей бегают распорядители с красными флажками и рупорами.

— Всем товарищам строиться в общий порядок!

Неожиданность и — организация! В три минуты многотысячная толпа, застигнутая врасплох, введена в строгие рамки двухшереножного строя. Не попавшие в общий порядок подбегают узнать, в чем дело, и остаются в строю.

Раздается радиоголос:

— Слушайте, слушайте! Здесь, в Москве, столице единственной страны, принадлежащей трудящимся, мы начинаем игру, страшную для мировой буржуазии и радостную для всех трудящихся.

Забыты спортивные состязания, карусели, шуточные „бои быков“ — мир раскололся на две части, два „фронта“ стали лицом друг к другу. Трещат выстрелы, рвутся фугасы и гранаты, взлетают ракеты, дымовые завесы заволакивают „фронты“.³

Развлечение ли это? Несомненно, развлечение, хотя от него мурашки бегут по спине. Однако бывает и похуже. Например, в Средние века одним из любимейших развлечений городской толпы была смертная казнь!

Из приведенного примера ясно видна определяющая роль массовика-затейника, который выполняет в данном случае функции компетентного Другого. Хотя малого с красным флажком в руке трудно назвать профессионалом, но он хорошо знает, что и как надо делать, а главное — для чего это нужно. Здесь присутствуют все три фазы, о которых говорилось ранее.

Отвлечение. На языке психологии этой фазе развлечения соответствует понятие фасцинации. От чего отвлекают людей во время развлечения? Конечно — от повседневности, от монотонной серости будней с их заботой о хлебе насущном, стрессами, экзистенциальным переживанием скуки, «тоски» (Ф. Кафка), страхом смерти. Происходит переключение сознания в особый «праздничный» режим, самым точным наименованием для которого будет «игра». Смещаются обычные представления о социальной норме и девиации, серьезном и несерьезном.

Привлечение, или аттракция. О «принципе аттракциона» много написано, и мне не хотелось бы повторяться. Суть его — в переключении внимания на особые объекты, заставляющие человека острее переживать пульс жизни, делающие его существование ярким и радостным. В роли аттракторов могут выступать как естественные объекты, например красота человеческого тела, величие природной стихии, так и искусственно созданные объекты, выступающие в роли предметов игры или «игрушек». Простейший пример аттрактора — шарманка, которую обступают на улице прохожие. Здесь видно, что аттракторы, кроме того, обладают способностью собирать людей в массу. Главным аттрактором для человека всегда был и будет другой человек, даже когда он используется в роли неодушевленной «игрушки». Следует прямо сказать об имморалистской природе развлечения.

Оно часто находится на грани дозволенного или переходит эту грань. Любовь к развлечениям связана с любовью к риску и авантюрам. Моральные, политические и социальные ограничения начинают действовать на другом, более высоком уровне сознания, который самым развлечением не порождается и не предусматривается.

Вовлечение. Трудно подобрать в русском языке слова, которые бы точнее всего разъясняли особенности этой фазы. На английском проще: это — involvement. Вовлечение означает создание особой социально-психологической ситуации, для которой характерны повышенная внушаемость и ослабление рационального самоконтроля. В зависимости от степени вовлеченности оцениваются общий «успех» или «неуспех» развлечения, его «высокий» или «низменный» характер, моральная оправданность или предосудительность. Эффект игровой вовлеченности глубоко проанализирован в культурологических концепциях И. Хейзинги, Г. Гессе, Гадамера, М. М. Бахтина и других мыслителей. Суть данного феномена выражается понятием «двумирности» сознания, в котором совмещаются реальный и воображаемый планы деятельности. Очевидно, что из такого состояния души возможны два выхода. Первый — полное отождествление воображаемого с действительным и, значит, осмысление всего сущего как «игры и развлечения». Альтернативой такому состоянию является сохранение эстетической дистанции и нравственного самоконтроля, которые, собственно, и вводят развлечение в мир культуры, придавая ему принятые в обществе смыслы и значения.

Развлечение отнюдь не невинно, как может показаться при поверхностном взгляде. Этим оно отличается от простой забавы или потехи. За развлечением всегда стоит образ Другого, истинные намерения которого во многих случаях остаются скрытыми и не всегда бескорыстными. Другой, который пытается нас развлекать, может внушать опасения и даже мысли о дьяволе, грехе, соблазне, искушении. Если отбросить мистику и попытаться выяснить рациональные причины этих опасений, то они предстанут в виде Власти и Политики.

В древности священные игры и государственные церемонии всегда были приурочены во времени. Устройство или запрещение тех или иных развлечений считались одной из прерогатив властителей. Например, только мэр может принять решение о начале или отмене городского праздника. В новейшую историческую эпоху создается видимость размежевания функций политики и развлечений в пространстве и времени. Это — как бы две разные сферы общественной деятельности, регулируемые особыми культурными нормами и предписаниями. Государство делает

вид, что ему безразлично, чем в свободное время занимаются отдельные граждане.

Однако все это не более чем видимость. Одна из главных черт массовой культуры, на которую в начале прошлого столетия указывали Х. Ортега-и-Гассет, Т. Адорно, Б. Брехт, заключается в высочайшей степени ее политизации. Массовая культура создает политическое «тело» современного общества. В XX веке было достаточно примеров прямого и непосредственного использования развлечения в целях пропаганды и агитации, политического манипулирования. Можно привести еще больше примеров косвенной манипуляции. Это — и массовые празднества, вроде 850-летия Москвы, и музыкальные телемарафоны после террористических актов, и церковные церемонии, и эстрадные «сопровождения» избирательных кампаний, и различные ток-шоу на общественно-политические темы. В современных политических технологиях используются все потенциальные возможности развлечения. Политика «схватывает» человека в моменты, когда он чувствует себя наиболее удаленным от политики, а следовательно, наименее защищенным от нее.

«Коктейль из политики и развлечений в разной пропорции — вот к чему свелось все многообразие жизни на ТВ-каналах, — пишет журналистка „Московского комсомольца“ Н. Боброва. — Телезрителей выгуливают на лужайке новостей опытные пастухи. Ежедневный парад катастроф — это, конечно, просто наркотик.

Вместе с ним мы „хаваем“ так называемую политическую линию. Она, в общем-то, у всех телеканалов одна, просто на каждом ее осуществляют разные любимые персонажи».⁴

Я не представляю себе, как сегодня можно говорить о развлечении как чисто эстетической проблеме, не касаясь его отношений с властью и политикой. Мне кажется, что концепция о всецело развлекательном значении массовой культуры ныне устарела. Думать так — значило бы не извлечь никаких уроков из того, что проделали с массовой культурой нацизм и коммунизм. С другой стороны, мне не по душе мистификация власти, когда при малейшем намеке на политическую подоплеку тех или иных культурных явлений все научные дискуссии затихают. Политику, конечно же, надо оценивать не бытовой меркой и не сводить все дело к воле начальников. Мне как философу политика представляется такой же закономерной и естественной функцией общественной жизни, как экономика, потребительская деятельность, познание, сексуальность и пр. Поэтому мне близка концепция «власти-знания» М. Фуко, в соответствии с которой политику следует рассматривать не как непроницаемое препятствие, а как исходный пункт более глубокого научного анализа культурно-исторических явлений, в том числе развлечений.

Субъективно политики — например, Петр I, французские якобинцы или российские большевики — могли ставить перед собой те или иные цели и добиваться их с большей или меньшей степенью насилия, явными или скрытыми способами. Однако помимо воли и индивидуальных стремлений властвующих лиц, сама их политика выступала средством реализации определенной исторической и культурной необходимости, которую Г. Гегель называл «кротом истории». Поскольку политические деяния неизбежно становятся фактами публичными, они вызывают разные интерпретации, в ряду которых официальная версия является лишь одной из возможных. «Поверх» политики и в то же время благодаря ей реализуется целый веер возможностей антропологического, эстетического, социокультурного плана, образующих актуальное поле научных исследований.

¹ Дюков Е. Концерт в истории западноевропейской культуры. М., 2003. С. 38—49.

² Там же. С. 44.

³ Массовое действие. Сценические игры. М., 1929. С. 8—19.

⁴ Боброва Н. ТВ-новости: в мир политики телезрителей завлекают наркотики // Московский комсомолец. 29.09.97.